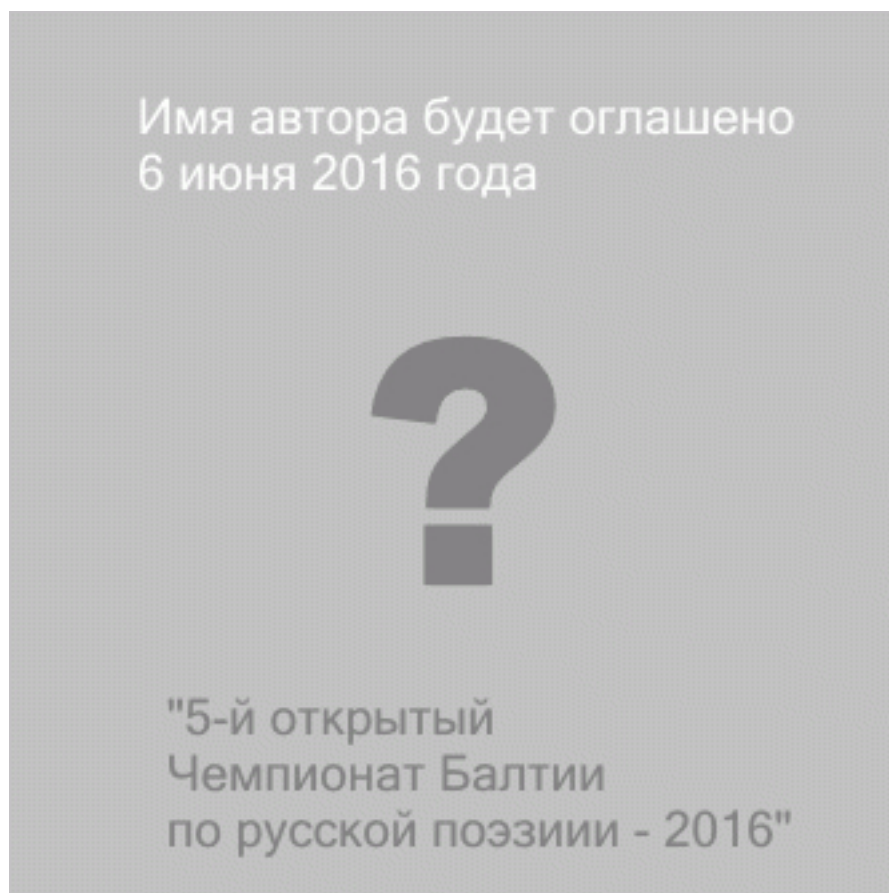

Имя автора конкурсной подборки будет объявлено 6 июня 2016 года в итоговом протоколе конкурса.

МЕНЯ ЗДЕСЬ НЕТ

Пока болит

Простились бы, пока легко и сбыточно,
пока светло в признательных открыточках –
и не дошли б до гулких личных пыточных
и не тащили тёмным коридором
в тупик смердящий имени себя
остатки, а точнее сказать, останки.

Пока ты спишь, я слушаю изнанку,
и там, внутри, изрядная болтанка:
высокая волна, девятый вал,
дрожанье горних сфер и прочий бутор.

Люби-мая-моя-тебе-бе-жать-бы:

в деревню, в глушь, в прабабкину усадьбу.
Не всякая волчина стоит свадьбы –
тем более замшелый овцебык
из рода недобитых минотавров.

Но ты молчишь, неласковая. Спишь,
свернувшись, как в гнезде настывшем мышь.
И я давлю плебейское «малыш»,
и трогаю поджатые коленки,
и развожу, и в тёмную вхожу.

Волной тягучей всплёскивает мрак.
Когда ты отзовёшься, будет так,
как ты захочешь, мой остистый злак,
моя отравка, мой пьянящий плевел.
Как ты захочешь – если ты захочешь...

Несчитано солгав, себе не лгу.
Меня ведёт в тебе набатный гул.
Да, я бы без страховки не дерзнул –
ты лабиринт без выхода, май дарлинг.
Но ты же – нить. А кто при нити я?

Вкури, тоска. Невнятен перифраз.
Проститься бы, но я в тебе увяз.
Пророс в тебя, как в почву – старый вяз
кривыми перевитыми корнями.
Терпи, пока болит – ведь я расту.
И, может быть, в каком-нибудь году,
умножив пустоту на маету,
мы изживём всё то, что было нами.

Касьянов день

Касьян был пьян – ну, раз в четыре года
не грех бы и напиться, в самом деле? –
и шёл по лужам, мерзкую погоду
кляня сквозь зубы. Вслед ему свистели,
орали дурноматное гудками
коней железных, но Касьян с дороги
свернуть не мог. Он нёс тяжелый камень
прозрения. Его босые ноги
врастали в землю мощными корнями
и всякий раз он выдирал их с треском
асфальта, пережившего откаты.

Касьян был зол – и то сказать, за дело!
Хтонически его понять нетрудно.
Другой бы вусмерть запил, беспробудно –
а он, пожалте, пусть отяжелелый,
но помнит, что пора достать ключи.
И достаёт, и стылыми бренчит,
пытаясь совместить вино и совесть.
Не очень-то выходит, между нами,
но я его, конечно, не сужу.

Привратникам всегда собачей прочих
а этому, ругаемому очень,
второйне несладко, оттого-то очи
разверзнуть не решается никак.
Лишённый серафимьей жаркой речи,
таит густую боль под сенью вечной
да зрит в себя, где плачет человек,
под грузом бога плоский, как пятак.
...Я вновь уйду от заблудившей рифмы,
поскольку мне печально за Касьяна,
но я ему ничем не помогу...

Касьян был весть – и весть достигла слуха,
и вышли в ночь и дева, и старуха,
и юноша, и старец, и младенец,
вчера ещё сосавший молоко.
Их путь был колок, точно заусенец,
а небо – безнадёжно высоко,
их бил наотмашь злой холодный ветер,
и потому они спешили к свету
родных окошек, чтобы отогреться,
оставить след растаявших ладоней
и вспомнить хоть немного о себе.

И шёл Касьян, шагами твердь упружа,
спешил Касьян, расплёскивая лужи,
хоть нависал над плоской грязной сушей
дождём залитый серый окоём.
Так в лишний день наш мир являл изнанку,
но вёл Касьян, горящий, словно Данко,
и шли за ним потерянные души,
и славили пришествие своё.

Меня здесь нет

Зауклиться, спать, ничего не знать
о будущем, прошлом и настоящем.
Я падаю в темень. У сна нет дна,
но он, закруглившись, сыграет в ящик
бездонного эго, и всё пройдёт,
и снова начнётся на перепутье.
Тягучее время – холодный мёд.
О пятую вечность приходят судьи:
рядят да гадают, льют жаркий воск
на рот замолчавший и на глазницы,
откашлявшись, сухо поют ирмос –
безгласны, безгубы и плосколицы.
Я падаю, падаю в никуда
и вновь возвращаюсь из ниоткуда,
и нет надо мною хлыста, креста,
звезды путеводной, греха сосуда –
я вне категорий и до имён,
во мне мир помысленный ищет света.

Глаза открываю – ползёт девон
из моря на сушу, летит планета
по гибкой спирали на яркий свет,
и жизнь повторяется кистепёрой.
Глаза закрываю. Меня здесь нет.
Я – семя. Я – дерево. Сикомора.

